

УДК [001:378]:51"1920/30"

EDN VEB CGS

DOI 10.24412/2073-7475-2026-3-41-57

Казанская математическая школа в 1920-1930-е гг. по материалам переписки П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарёва

А. Ю. Афанасьев, О. А. Широкова,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The Kazan Mathematical School in the 1920s and 1930s, based on the correspondence of P. A. Shirokov and N. G. Chebotarev

A. Yu. Afanasyev, O. A. Shirokova,

*Kazan Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена анализу трансформации системы высшего математического образования в СССР в 1920-1930-е гг. на примере Казанского государственного университета (КГУ). Этот период характеризовался масштабными и зачастую противоречивыми реформами, направленными на подчинение вузов задачам строительства нового государства. Исследование строится на впервые вводимом в научный оборот эпистолярном наследии двух выдающихся математиков – профессоров физико-математического факультета Казанского университета Петра Алексеевича Широкова (1895-1944) и Николая Григорьевича Чеботарёва (1894-1947). На основе анализа их переписки выявляются ключевые тенденции развития математической науки в условиях советской власти. С одной стороны, авторы демонстрируют сохранение научных институций дореволюционного образца (например, Физико-математического общества и его «Известий»), а также активные международные контакты советских ученых, включая поездки на зарубежные конференции и общение с эмигрантами. С другой стороны, переписка содержит прямые свидетельства глубокого кризиса высшего образования: сокращение объемов преподавания фундаментальных дисциплин, утилитарный уклон в подготовке кадров, катастрофический дефицит преподавателей и низкий уровень подготовки студентов. Письма Широкова детализируют проблемы физико-математического факультета КГУ, а сообщения Чеботарёва описывают фактическую ликвидацию университетского образования в Одессе. Особое внимание уделено роли Н. Г. Чеботарёва, переехавшего в Казань в 1927 г., и П. А. Широкова в преодолении кризиса. Их научная, педагогическая и организаторская деятельность, совместно с профессором Н. Н. Парфентьевым и другими, привела к возрождению и расцвету казанской математической школы. Кульминацией этого процесса стало создание в 1934 г. Научно-исследовательского

института математики и механики (НИИММ) при КГУ, который консолидировал кадры и вернул университету статус значимого научного центра. В статье показано, как личная инициатива ученых, их гражданская позиция и преданность науке позволили в сложнейших политико-экономических условиях не только сохранить, но и развить фундаментальные математические исследования. Таким образом, эпистолярный диалог Широкова и Чеботарёва предстает не только как ценный исторический источник, но и как свидетельство устойчивости научного сообщества в эпоху радикальных социальных преобразований.

Abstract

This article analyzes the transformation of the higher mathematics education system in the USSR in the 1920s and 1930s, using Kazan State University (KSU) as a case study. This period was characterized by large-scale and often contradictory reforms aimed at subordinating universities to the goals of building a new state. The study draws on the epistolary legacy of two outstanding mathematicians, professors of the KSU Physics and Mathematics Faculty, Petr Alekseevich Shirokov (1895-1944) and Nikolai Grigorievich Chebotarev (1894-1947), based on correspondence being introduced into scholarly circulation for the first time. Based on an analysis of their correspondence, key trends in the development of mathematical science under Soviet rule are identified. On the one hand, the authors demonstrate the preservation of pre-revolutionary scientific institutions (for example, the Physics and Mathematics Society and its the *Izvestia* newspaper), as well as active international contacts among Soviet scientists, including trips to foreign conferences and interactions with émigrés. On the other hand, the correspondence contains direct evidence of a profound crisis in higher education: a reduction in the teaching of fundamental disciplines, a utilitarian approach to personnel training, a catastrophic shortage of faculty, and a low level of student preparation. Shirokov's letters detail the problems of the Physics and Mathematics Department of Kazan State University, while Chebotarev's messages describe the effective elimination of university education in Odessa. Particular attention is given to the role of N. G. Chebotarev, who moved to Kazan in 1927, and P. A. Shirokov in overcoming the crisis. Their scientific, pedagogical, and organizational activities, together with Professor N. N. Parfentiev and others, led to the revival and flourishing of the Kazan school of mathematics. This process culminated in the establishment of the Scientific Research Institute of Mathematics and Mechanics (NIIMM) at Kazan State University in 1934, which consolidated its academic staff and restored the university's status as a significant scientific center. The article demonstrates how the personal initiative of scientists, their civic commitment, and dedication to science enabled them not only to preserve but also to develop fundamental mathematical research in the most challenging political and economic conditions. Thus, the correspondence between Shirokov and Chebotarev is not only a valuable historical source but also a testament to the resilience of the scientific community during a period of radical social transformation.

Ключевые слова

Высшее образование в СССР, история математики, Казанский университет, П. А. Широков, Н. Г. Чеботарёв, казанская математическая школа, казанская алгебраическая школа, казанская геометрическая школа, Научно-исследовательский институт математики и механики, история науки в СССР.

Keywords

Higher education in the USSR, history of mathematics, Kazan University, P. A. Shirokov, N. G. Chebotarev, Kazan mathematical school, Kazan School of Algebra, Kazan School of Geometry, Research Institute of Mathematics and Mechanics, history of science in the USSR.

С момента прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. отечественная система высшего образования стала одним из главных объектов преобразований нового правительства. Ее роль в деле построения советского государства была неоднозначной. С одной стороны, довольно крупная часть представителей академического сообщества, а именно профессура, по-прежнему сохраняла монархические воззрения и была способна распространять контрреволюционные настроения среди населения. С другой стороны, студенчество – будущее поколение советских граждан – должно было уже воспитываться в духе коммунистической идеологии. В связи с этим советское правительство уделяло пристальное внимание сфере высшего образования.

Указанный факт подтверждается правительственной кампанией по реформированию как всей системы высшего образования, так и ее элементов¹. Особенно масштабные преобразования в этой сфере проводились в 1920-1930-х гг., когда государство пыталось сформировать для себя образ идеальной советской системы образования. Осмысление этих реформ отечественными историками началось еще в 1960-е гг. и продолжается по сей день. Несомненно, оценка этих процессов среди авторов полярна и зависит от периода написания самих работ. Например, исследования 1960-х гг. показывают упомянутые преобразования как планомерное и эффективное развитие. Работы же постсоветских авторов уделяют внимание непоследовательности и противоречивости указанных изменений.

Несмотря на полярность мнений, приведенные исследования объединяет корпус источников, на основании которых и были написаны эти работы. Авторы активно используют нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию и публицистику. При этом из их поля зрения практически выпадают источники личного происхождения, которые, в свою очередь, ярко отражают воззрения и мнения самих участников трансформации высшего образования на проводимые преобразования.

Стоит отметить, что упомянутые реформы касались всех высших учебных заведений страны, включая Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина (КГУ). Одной из отличительных черт этого вуза с момента его образования в 1804 г. являлась сильная естественно-научная база, выражавшаяся в формировании и развитии научных школ указанного направления – астрономической, химической, медицинской и др.

В самом начале своей истории Казанский университет сумел создать и сильную математическую школу, ярким представителем которой, несомненно, являлся Н. И. Лобачевский (1792-1856).

В 1920-1930-х гг. казанская математическая школа претерпевала ряд изменений, вызванных проводимыми советским правительством реформами. Непосредственными участниками данных процессов являлись профессора физико-математического факультета КГУ П. А. Широков (1895-1944) и Н. Г. Чеботарёв (1894-1947).

В семейных архивах Петра Алексеевича и Николая Григорьевича сохранилась их переписка, относящаяся ко второй половине 1920-х – 1930-м гг. Ее содержание отражает влияние правительственных реформ на состояние высшего математического образования как в КГУ, так и в университетах других городов

П. А. Широков в рабочем кабинете. Казань, 1930-е гг.

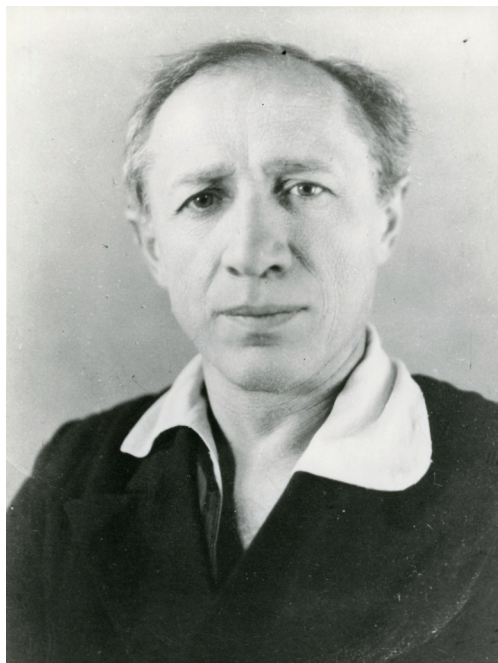
P. A. Shirokov in his office. Kazan, 1930s.

Советского Союза. В связи с этим целью данной статьи является исследование эпистолярного наследия П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарёва в контексте реформирования высшего математического образования в 1920-1930-е гг. Анализ писем целесообразно предварить краткими биографиями авторов, освещающими период до их знакомства в 1924 г.

Пётр Алексеевич Широков родился в Казани 15 (28) января 1895 г. в семье преподавателя Казанского реального училища². Начальное образование получил дома и был принят в 1907 г. во второй класс Казанской 3-й мужской гимназии. С 13 лет он начал интенсивно заниматься математикой. Окончив гимназию с золотой медалью, П. А. Широков 12 августа 1914 г. поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. Первые исследования П. А. Широкова были посвящены приложениям теории групп к механике и геометрии. Научным руководителем для начинающего математика стал профессор Н. Н. Парфентьев (1877-1943). В 1918 г. Широков был мобилизован в белую армию, отступавшую из Казани. Позже, попав в плен к красным, он организовал и вел занятия в школе грамоты для красноармейцев. В 1919 г. Казанский университет ходатайствовал об оставлении Широкова для подготовки к профессорскому званию. Н. Н. Парфентьев, будучи деканом физмата, направил ходатайство факультета об откомандировании из Красной Армии подающего большие надежды выпускника физмата П. А. Широкова для продолжения учебы в качестве профессорского стипендиата³. В августе 1920 г., после двух лет службы, Широков был прикомандирован к университету. С 1920 г. Пётр Алексеевич – профессорский стипендиат. Он специализировался под руководством Парфентьева в области неевклидовой геометрии, теории групп, векторного и тензорного исчисления. К началу 1922 г. им было написано 13 самостоятельных работ. 17 ноября 1923 г. П. А. Широков был назначен доцентом на кафедру математики⁴.

Николай Григорьевич Чеботарёв родился 3 (15) июня 1894 г. в г. Каменец-Подольский Подольской губернии в семье юриста⁵. Обучался в Каменец-Подольской мужской гимназии. По ее окончании в 1912 г., поступил на физико-математический факультет Киевского университета. В 1915-1918 гг.

Н. Г. Чеботарёв. Казань, 1930-е гг.

N. G. Chebotaryov. Kazan, 1930s.

Н. Г. Чеботарёв жил в Саратове, куда его вуз был эвакуирован в связи с началом Первой мировой войны. В 1916 г. он окончил университет и был оставлен при нем своим научным руководителем Д. А. Граве для подготовки к профессорскому званию. В 1918 г. вернулся вместе с университетом в Киев, где занимался научной работой, преподаванием в школах, подготовкой к магистерскому экзамену. Спустя три года, в 1921 г. Н. Г. Чеботарёв переехал в Одессу. Здесь он получил постоянную работу, будучи приглашенным секретарем Научно-исследовательской кафедры при Одесском институте народного образования. На протяжении всех этих жизненных перипетий он продолжал научные исследования, связанные с теорией Галуа, теорией групп Ли, проблемой продолжаемости полиномов и проблемой резольвент.

Судьбы Петра Широкова и Николая Чеботарёва имеют некоторое сходство. Оба, получив образование в гимназиях и университетах, сформировались как личности в рамках дореволюционной образовательной системы. Оба пережили Гражданскую войну и смогли обрести свое место при новой власти. Поэтому в сильно поредевшем за эти годы кругу математиков их знакомство стало практически неизбежным.

Как уже было сказано ранее, косвенное знакомство между ними произошло в 1924 г. Поводом для этого послужила публикация Н. Г. Чеботарёвым статьи «О методе исключения переменных из трансцендентных уравнений» в журнале «Известия Физико-математического общества при Казанском университете»⁶. П. А. Широков в то время являлся секретарем данного издания и, следовательно, подготавливал все присланные материалы к печати. Это и стало основанием для начала переписки. Первоначально она носила сугубо официальный характер, однако в последующем, после очного знакомства в 1925 г., она приобрела более дружеский тон.

Стоит отметить, что сам факт существования журнала «Известия Физико-математического общества при Казанском университете» свидетельствует о характерной тенденции, отражавшей состояние высшего математического образования и всей советской математической науки 1920-х гг. в целом. Ученые, несмотря на все политические изменения, стремились сохранить ранее существовавшие институты, позволяющие им транслировать собственные научные достижения.

Казанскими математиками было сохранено основанное в 1890 г. Физико-математическое общество, которое продолжало работу под руководством

Николая Николаевича Парфентьева. О деятельности Казанского физико-математического общества (КФМО) во время Октябрьской революции и Гражданской войны ничего не известно, однако заседания возобновились в 1921-1922 гг.⁷ Особо следует отметить большую работу КФМО по проведению международных конкурсов на премию Н. И. Лобачевского и празднованию знаменательных дат, связанных с неевклидовой геометрией. Так, в 1923 г. Н. Н. Парфентьев и члены КФМО подняли вопрос о необходимости в 1926 г. организации широкого празднования 100-летнего юбилея открытия неевклидовой геометрии и возобновления международного конкурса на соискание премии им. Н. И. Лобачевского⁸. В результате их предложение было одобрено. Главными организаторами данного мероприятия стали Н. Н. Парфентьев и П. А. Широков⁹. 24-26 февраля 1926 г. на юбилейных торжествах в Казани с докладами выступили вице-президент АН СССР В. А. Стеклов, профессора А. В. Васильев, Н. Н. Парфентьев, В. Ф. Каган, Д. Н. Зейлигер¹⁰.

В 1923 г. с периодичностью два раза в год возобновилось издание «Известий Физико-математического общества при Казанском университете». Подобная практика возрождения и сохранения научных обществ была характерна и для других научных центров. В частности, продолжало свое существование Московское математическое общество¹¹. Харьковское математическое общество также продолжило работу, претерпев частичные изменения¹².

Самое раннее письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову, к сожалению, не датировано. Возможно, дата на нем присутствовала, однако оригинал, скорее всего, был утрачен, в связи с чем при исследовании использовалась машинописная копия, выполненная А. П. Широковым в 1990-х гг. По содержанию письма можно определить, что написано оно было в конце 1924 – начале 1925 гг., т. к. Чеботарёв интересуется у своего собеседника: «Должно быть, № 24 Известий уже вышел?»¹³.

Дальнейшая переписка была в основном посвящена тематике научных исследований Николая Григорьевича. При этом одно из последующих писем отражает еще одну тенденцию, характеризующую состояние советской математической науки в указанный хронологический период. Так, в письме от 7 марта 1927 г. Чеботарёв спрашивал о возможности публикации статей на иностранных языках: «У меня есть в проекте статья, которая будет иметь читателей гл[авным] обр[азом] среди немцев (Об интервалах для простых чисел, принадлежащих к заданному классу подстановок)»¹⁴. Подобный вопрос, на наш взгляд, представляется излишним. В разделе «От редакции» к каждому номеру «Известий» указывалось «Статьи могут быть написаны на русском, французском, немецком, английском или итальянском языках...». Однако это позволяет судить о сохранении не только научных обществ, но и контактов советских математиков с иностранными коллегами, в частности, немецкими учеными.

Еще с конца XIX в. представители Физико-математического общества при Казанском университете активно взаимодействовали с исследователями из Германии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что большинство лауреатов Международной премии и золотой медали им. Н. И. Лобачевского были выходцами именно из этой страны (В. Киллинг, Д. Гильберт, Ф. Шур, Ф. Клейн, Ф. Энгель и др.)¹⁵. Более того, советским ученым в 1920-1930-х гг.

разрешалось выезжать за границу с целью участия в съездах и конференциях. Так, Н. Г. Чеботарев в 1925 г. был отправлен в Данциг в качестве участника съезда Ассоциации немецких математиков. В ходе своего визита он познакомился со многими ведущими учеными Германии того времени: Э. Нётер, В. Бляшке, Г. Шефферс и др.¹⁶ Его последняя заграничная поездка состоялась в 1932 г. Об этом он также уведомил П. А. Широкова: «Оказалось, что я таки еду за границу. Когда я пришел в Наркомпрос, мне сразу же подали готовый заграничный паспорт...»¹⁷. Чеботарёв отправился в эту командировку в качестве участника IX Международного конгресса математиков, который проходил в Цюрихе. Им был зачитан доклад «Проблемы современной теории Галуа»¹⁸.

Некоторым казанским ученым Высший совет народного хозяйства СССР даже предоставлял стажировки в Германию. Например, Н. Г. Четаев в 1929 г. после блестящей защиты кандидатской диссертации по механике был командирован на один год в Геттингенский университет для ознакомления с аэродинамической школой Л. Прандтля¹⁹.

Научные контакты советских математиков с зарубежными коллегами выражались во взаимодействии не только с гражданами других государств, но и с русскими эмигрантами. В письме от 5 августа 1929 г. Чеботарёв пишет: «Получил письмо от Юрия Германовича, он очень благодарит за внимание и обещает прислать статью для известий и оттиск»²⁰. Здесь Николай Григорьевич имеет в виду Ю. Г. Рабиновича (1886-1968), математика, в 1913-1919 гг. преподавателя Казанского университета²¹. В 1922 г. он эмигрировал вместе с семьей в США, где стал преподавать сначала в Университете Джонса Хопкинса, а затем в Мичиганском университете²². Чеботарёв не зря упомянул о нем, так как профессор Рабинович, работая в Казанском университете, читал факультативный курс по теории функций комплексного переменного²³. Этот курс, будучи студентом, посещал и П. А. Широков. В письме от 20 августа Чеботарёв вновь сообщает о Рабиновиче: «прислал мне письмо, где он обещает прислать статью. Я думаю, торопить его не стоит, т. к. это может отозваться на качестве статьи»²⁴. Анализ содержания дальнейших номеров журнала показывает, что статья Рабиновича не была опубликована. Остается неизвестным, было ли это упущением с его стороны или решением редакции, основанным на цензурных ограничениях.

В целом, упомянутые выше факты позволяют судить об отсутствии изоляционизма отечественной математической науки в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Советские математики могли не только взаимодействовать с иностранными коллегами, но и посещать международные мероприятия за пределами СССР. На первый взгляд, рассмотренные тенденции позволяют судить о стабильном развитии отечественной науки. Интеллигенция сумела сохранить прежние центры консолидации, активно взаимодействовала с зарубежными исследователями. Однако все это происходило в условиях серьезного упадка системы высшего образования. Об этом, в частности, свидетельствует ранее упомянутое первое письмо Н. Г. Чеботарева П. А. Широкову. В нем одесский математик описывает состояние высших учебных заведений в Одессе: «Университета у нас давно нет. На месте “Ино” (Институт народного образования) с узко педагогическим уклоном. Объем математики с каждым годом сокращается. Есть еще у нас “Исследовательская кафедра” – мертворожденное учреждение,

в котором “аспиранты” (т. е. подготовляющиеся к профессорскому званию) делают рефераты приблизительно в объеме Гурса. Самостоятельно не работает почти никто (лучшие научные работники, как то: Ю. Г. Рабинович, Е. А. Буницкий, В. Ф. Каган – разъехались»)²⁵.

В действительности, 10 июля 1920 г. вследствие проводимой советской властью реорганизации высшей школы Украинской ССР был окончательно закрыт Новороссийский университет. На его базе были образованы Институт гуманитарно-общественных наук и Физико-математический институт. В 1921 г. оба института были объединены в Институт народного образования²⁶. Однако и это учебное заведение не позволяло должным образом осуществлять полноценную подготовку в сфере физико-математических наук. Отсутствие в Одесском ИНО факультета или отделения, связанного с упомянутой отраслью, подтверждается и его уставными документами. В составе Института находилось лишь три факультета: социального воспитания, профессионального образования и политического просвещения²⁷. Их основной задачей была подготовка именно педагогических, а не научных кадров. Об этом также говорит Н. Г. Чеботарёв в своем письме: «Недавно Губпрофобр разъяснил нам, что кафедра имеет только утилитарные задачи, т. е. подготовку аспирантов, составление программ и руководство “Пролетарским Университетом”, т. е. чтениями лекций по клубам, научно же исследовательских задач она не имеет»²⁸.

В ответ на критическую оценку Чеботарёвым одесских учебных заведений П. А. Широковым 20 июня 1925 г. также было написано письмо. В нем он сочувствует Николаю Григорьевичу и описывает жизнь физико-математического факультета Казанского государственного университета: «Здесь, в Казани, приходится работать почти в одиночку, т. к. определенного направления в работе у нас нет, и вообще мало людей, интересующихся серьезно математикой. Из тех, кто занимается ею, каждый работает в своей области, в одиночку, и никакой близости и совместной работы у нас не наблюдается. Прямо завидно становится, когда посмотришь, как работает молодежь в Москве. Сам я настолько занят лекциями, что мало остается времени для творческой работы. Мои интересы лежат, главным образом, в области неевклидовой геометрии и механики, – по крайней мере, оттуда как-то всплывают темы для исследования. В настоящее время занят вопросами векторного поля в n -товых²⁹ пространствах. Из молодых математиков в нашем университете можно выделить только двоих, кто действительно упорно работает – это Б. М. Гагаев и Н. Г. Четаев, с работами которых Вы познакомитесь во 2-ом выпуске 24-го тома.

Наш физико-математический факультет жив, но переживает большой кризис, по крайней мере, математическое отделение. Дело в том, что наиболее сильная молодежь поступает в специальные учебные заведения, – к нам идут, по большей части, те, кому некуда больше деться. Вот почему в работе студентов наблюдается безотрадная картина. Редко-редко встретишь талантливого юношу, – по большей части, студенты еле справляются с минимальными требованиями программ. О специальных курсах и семинариях мечтать в такой обстановке не приходится. Главный интерес студенчества сосредоточен в прикладной механике, так что механический цикл (самый многолюдный) превращается в какой-то политехникум. Нельзя ничего сказать о том, – долго ли продлится

такое положение, – тем более, что оно обусловлено такими серьезными и затяжными факторами, как общая экономическая ситуация и развал средней школы»³⁰. П. А. Широков, будучи преподавателем университета, сделал данные выводы на основании личных наблюдений. Они подтверждаются и делопроизводственной документацией. В 1923-1924 гг. руководство КГУ проводило проверки качества успеваемости студентов, в результате которых было отчислено значительное количество студентов (1923 г. – 33 %; 1924 г. – 21,1 %) ³¹. Увлечение же дисциплинами в области механики отражало общую политику, проводимую правительством в отношении высшей школы. Так, 12 января 1925 г. ЦК РКП(б) приняло постановление «О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством». Согласно ему, вузам следовало готовить специалистов «для практической деятельности, для производства в широком смысле слова во всех его отраслях»³². В описанных условиях развитие теоретических вопросов, несомненно, не представлялось возможным.

Усугублялась эта ситуация и отсутствием педагогических кадров. Факультет испытывал дефицит преподавателей математики. В 1924 г. преподавание этой дисциплины вели только П. А. Широков и Е. И. Григорьев³³. В ходе обследования университета представителем Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции П. И. Каганом в январе 1928 г. было определено, что «нехватка преподавательского состава снижали возможность делать через новые учебные планы упор на практические занятия, получение студентами высоких знаний»³⁴.

Подобная негативная ситуация сохранялась вплоть до начала 1930-х гг. В мае 1932 г. было проведено повторное обследование КГУ. Проверка выявила, что «научная работа Казанского университета до 1932 г. каждым научным работником проводилась без какого бы то ни было планирования со стороны руководства и привлечения к ней студентов»³⁵. О снижении статуса вуза, как научного центра, свидетельствует и фраза из письма Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 29 апреля 1934 г.: «Каган сказал, что Вы обещали быть на конференции геометров 17-го мая, где будет Schouten³⁶, и добавил, что если наш университет хочет сохранить хоть какое-нибудь всесоюзное значение, то он должен командировать Вас, как лучшего специалиста по геометрии, на его конференцию. Я считаю, что Вы во что бы то ни стало должны добиться от Векслина³⁷ этой командировки, невзирая ни на какие подготовки к сессии. Дело идет о престиже Казанского университета в научном отношении, а это я считаю самым главным, особенно теперь, когда мы добиваемся открытия института»³⁸. В данном случае речь шла о Первой Международной конференции по тензорной дифференциальной геометрии и ее приложениям, которая проходила в Москве с 17 по 23 мая 1934 г. В качестве представителя Казанского университета на этой конференции выступил Н. Г. Чеботарёв³⁹. П. А. Широков, как один из главных в Советском Союзе специалистов по дифференциальной геометрии, векторному и тензорному анализу⁴⁰, так и не был командирован на конференцию⁴¹.

Усугублялась данная ситуация и партийным давлением со стороны вышестоящей администрации. О контроле за партийной принадлежностью ученых свидетельствует письмо Н. Г. Чеботарева от 29 апреля 1934 г.: «Конференция молодняка прошла очень оживленно. Жаль, что от Казани был только один Максудов, который сделал свой доклад “вполне пристойно, но скучновато”. В конце концов

*Н. Г. Чеботарёв
и П. А. Широков на даче
в пос. Шеланга. 1938 г.*

*N. G. Chebotaryov and
P. A. Shirokov at their dacha
in the village of Shelanga.
1938.*

у нас были три представителя (еще Халиков и Крутов), но без речей. Мне пришлось разъяснить, что у нас делегаты посылались по партийному признаку, и мы бы могли выставить больше докладчиков, если бы нам были предоставлены места. Распорядители конференции нашли, что это левацкий загиб дирекции, и что мы должны были более энергично бороться за активных делегатов. В конце концов, ведь Крутову тоже можно было поручить доклад, но нам дали одно место, а послали трех без нашего ведома!»⁴².

Одним из важных факторов, повлиявших на изменение сложившейся на физико-математическом факультете КГУ ситуации, на наш взгляд, стал приезд Н. Г. Чеботарёва.

В 1927 г. он был избран профессором Казанского университета и сразу же начал интенсивную работу. Чеботарёв, имея доброжелательные отношения с коллегами, в частности, Н. Н. Парфентьевым и П. А. Широковым, установил также контакты со студенческим научным кружком. Как писал Б. А. Лаптев, «в живых, непринужденных беседах, при обсуждении самых разнообразных математических проблем, его собеседники получали импульсы к творческой работе. Его влияние испытали на себе почти все казанские математики»⁴³. Результативность работы Николая Григорьевича прослеживается в количестве его публикаций. За 1927-1934 гг. им было опубликовано 24 статьи, три курса лекций, семь рефератов к статьям других авторов⁴⁴. Более того, результат этой интенсивной работы был озвучен на Втором Всесоюзном математическом съезде в 1934 г. В его резолюции было сказано, что «в настоящее время в Казани имеется крупная математическая школа в направлении алгебры и специальных вопросов обыкновенных дифференциальных уравнений (проблема устойчивости и т. д.)»⁴⁵.

Н. Г. Чеботарёву удалось восстановить уровень математических исследований и создать Казанскую алгебраическую школу. Труды Н. Г. Чеботарёва и его учеников Н. Н. Меймана, И. Д. Адо, В. В. Морозова и других заняли достойное место в мировой математической науке. Заложенные школой Н. Г. Чеботарёва традиции в области алгебраических исследований продолжают в Казанском университете и в настоящее время⁴⁶.

В этот период началось зарождение Казанской геометрической школы, во главе которой встал П. А. Широков, воспитавший целый ряд блестящих ученых-геометров: Б. А. Лаптев, И. П. Егоров, А. З. Петров, П. И. Петров, В. Г. Копп, А. П. Заборская, А. Д. Захаров, Г. С. Бархин и др. Как вспоминал один из учеников В. Г. Копп: «Поражала широта тематики предлагаемых Широковым научных проблем. Кроме того, что они были из различных разделов геометрии, это «темы на всю жизнь» – как метко выразился Петр Иванович Петров...»⁴⁷. Развивая данные темы, стали докторами физико-математических наук: А. З. Петров, П. И. Петров, И. П. Егоров, Б. А. Лаптев⁴⁸. В начале 1930-х гг. П. А. Широков организовал большой геометрический семинар. Он первым возглавил и кафедру геометрии КГУ, открывшуюся в 1937 г. Таким образом, деятельность профессора Широкова способствовала не только организации широких геометрических исследований в КГУ, но и расцвету математической жизни в Казани⁴⁹.

Забота о научной смене и привлечение математически одаренной молодежи, в частности, Н. Г. Чеботарёва и П. А. Широкова, характеризовали деятельность Н. Н. Парфентьева, обладающего соответствующими административными возможностями. Как было сказано ранее, благодаря его усилиям как декана физмата в 1919 г. из Красной Армии был откомандирован в университет П. А. Широков, что спасло для вуза ценного специалиста. Именно Парфентьев первым познакомился в Москве с Н. Г. Чеботарёвым и пригласил его к сотрудничеству с математиками Казанского университета⁵⁰. И именно Н. Н. Парфентьев в 1927 г. на заседании Ученого совета физмата при баллотировке на должность профессора кафедры математики КГУ рекомендовал предпочесть кандидатуру Н. Г. Чеботарёва⁵¹. Кроме того, он обеспечил сохранение деятельности КФМО и его «Известий», тем самым поддерживая уровень математических исследований в КГУ.

Возрождению казанской математической школы способствовал еще один существенный фактор, затронутый в упомянутой резолюции Второго Всесоюзного математического съезда. В частности, Съезд поддержал организацию в Казани математического института. Идею создания этого учреждения выдвинули Н. Н. Парфентьев, Н. Г. Чеботарёв, П. А. Широков и Н. Г. Четаев. Они утверждали, что подобный центр позволит шире привлекать студентов, аспирантов и молодежь к научной работе. Основой для этого, по их мнению, должна стать группа математиков и механиков высокой квалификации, кем данные профессора и являлись⁵². Стоит отметить, что организация подобных институтов была характерна как для Казанского университета, так и для других вузов страны. Например, в 1929 г. при КГУ был образован Научно-исследовательский химический институт им. А. М. Бутлерова; НИИ считалась и Астрономическая обсерватория им. В. П. Энгельгардта⁵³; в 1922 г. в Московском университете были созданы Институт математических наук, Астрофизический и Геофизический институты⁵⁴.

Отметим, что эти научные учреждения были открыты именно для поддержания уровня исследований и концентрации научных кадров. Процесс организации механико-математического института сопровождался серьезными препятствиями. Первоначально Народный комиссариат просвещения РСФСР предлагал

открыть его как филиал Московского математического института, однако это предложение было отвергнуто руководством КГУ. В результате в 1934 г. Наркомат вынес положительное решение об открытии института в рамках сети научно-исследовательских учреждений.

В письме от 29 апреля 1934 г. Н. Г. Чеботарёв делился с П. А. Широковым опасением, что планы по включению института во всесоюзную сеть будут отвергнуты Наркомфином по причине нехватки средств⁵⁵. Однако его предположения не оправдались. В результате, 1 сентября того же года согласно приказу ректора Казанского университета Г. Б. Багаутдинова был создан Научно-исследовательский институт математики и механики (НИИММ) как структурное подразделение КГУ. Его директором был назначен Н. Г. Чеботарёв. П. А. Широков встал во главе отделения геометрии. Они же, совместно с Н. Н. Парфентьевым и Н. Г. Четаевым, возглавили работу по выстраиванию структуры института и подбору научных кадров. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Н. Г. Чеботарёва от 5 июня 1935 г. В этом письме Николай Григорьевич обращается к Петру Алексеевичу с просьбой помочь добиться пересмотра сметы, чтобы Институт мог начать полноценную работу осенью 1935 г.: «На Институт они могли бы согласиться, чтобы его открыть в сентябре (я говорил с Каляевым), если мы не превзойдем 40-50 тысяч. Я мотивировал Каляеву тем, что если открыть Институт в октябре, то сотрудники Института не смогут разгрузиться от пед[агогической] нагрузки. На 4 персональные ставки он тоже по-видимому согласен. Ввиду этого предложите Крутову переработать смету в расчете на четыре месяца, если этим мы не выйдем из бюджета. Думаю, что трубу для Парфентьева можно отложить на 1936 год»⁵⁶.

В целом, научная работа отделов института была сосредоточена на теоретических проблемах в новых областях математики и механики⁵⁷. Кроме того, при Институте было организовано пять семинаров, на которых выступали сотрудники и студенты. Для привлечения молодого поколения НИИММ ежегодно проводил математические олимпиады, организацией которых занимались Н. Г. Чеботарёв, Е. И. Григорьев и др.⁵⁸ Реализация этих шагов дала возможность проводить широкие научные исследования в области математики и механики в Казанском университете, что, в свою очередь, восстановило престиж физико-математического факультета⁵⁹.

Таким образом, эпистолярное наследие профессоров П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарёва позволяет выявить основные тенденции, характерные для состояния высшего математического образования в Казанском университете 1920-1930-х гг. Последствия экономического и политического кризиса 1917-1922 гг. привели к общему упадку данного научного центра, что, в свою очередь, повлияло на состояние математического образования. Несмотря на это, казанские математики сумели продолжить научные исследования и сохранить научные организации, созданные еще в дореволюционные годы. Более того, они смогли не только продолжить собственные плодотворные научные исследования, но и создали алгебраическую и геометрическую научные школы.

Противоречивая государственная политика, сочетавшая контроль с поддержкой отдельных инициатив, создала условия, в которых представители физико-математического факультета вуза вопреки трудностям смогли успешно

инициировать создание НИИММ. Это стало одним из поворотных пунктов в возрождении казанской математической школы. Представленная в статье переписка является ценным источником, поскольку отражает личные взгляды ключевых участников трансформации высшего образования – П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарёва. В письмах они напрямую и искренне высказывали свое отношение к проводимым реформам. Данный факт демонстрирует их глубокую гражданскую и профессиональную позицию, преданность университету и активную вовлеченность в судьбу отечественной математической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Содержание данных преобразований не является объектом исследования настоящей статьи. В связи с этим рекомендуем обратиться к специализированной литературе, посвященной данному вопросу. Например: Высшая школа СССР за 50 лет. [1917-1967] / Под ред. проф. В. П. Елютина. – М., 1967; Демидова Е. И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920-1930 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 2007; Худобородов А. Л. Реформа высшего образования в Советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского гос. гуманитар.-пед. ун-та. – 2013. – № 4; Солдаткина С. В. Государственное регулирование советского высшего образования в 1920-1930 годы // Вестник науки. – 2023. – Т. 4. – № 11 (68).
2. Биографическая справка составлена на основании: Лаптев Б. Л. Пётр Алексеевич Широков // Пётр Алексеевич Широков (человек и ученый). – Казань, 1995. – С. 7-24.
3. Ежова С. А., Альпин Ю. А. Профессор математики Н. Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2025. – Т. 167. – Кн. 2. – С. 128.
4. Широкова О. А. Основатель Казанской геометрической школы Петр Алексеевич Широков (к 120-летию со дня рождения) // Математика в высшем образовании. – 2015. – № 13. – С. 169.
5. Чеботарёв Н. Г. Математическая автобиография // Николай Григорьевич Чеботарёв (1894-1947). – Казань, 2019. – С. 105-193.
6. Чеботарёв Н. Г. О методе исключения переменных из трансцендентных уравнений // Известия Физико-математического общества при Казанском университете. – Т. XXIV. – Сер. 2. – Вып. 1. – С. 1-6.
7. Изотов Г. Е. Казанское физико-математическое общество. – Казань, 2003. – С. 26.
8. Ежова С. А., Альпин Ю. А. Указ. соч. – С. 131.
9. Лаптев Б. Л. Воспоминания о Н. Н. Парфентьеве // Очерки истории НИИ математики и механики им. Н. Г. Чеботарёва. – Казань, 1989. – С. 122.
10. Ежова С. А., Альпин Ю. А. Указ. соч. – С. 131.
11. Демидов С. С., Тихомиров В. М., Токарева Т. А. Московское математическое общество и развитие математики в России (к 150-летию создания) // Труды ММО. – Т. 77. – № 2. – С. 162.
12. Ostrovskii I. V. Kharkov Mathematical Society // European Mathematical Society Newsletter. – December 1999. – P. 27.
13. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову. Дата неизвестна (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1.
14. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 07.03.1927 // Архив семьи Широковых, л. 1.
15. Изотов Г. Е. Указ. соч. – С. 17-22.
16. Чеботарёв Н. Г. Математическая автобиография // Николай Григорьевич Чеботарёв (1894-1947). – Казань, 2019. – С. 188-189.
17. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 01.09.1932 (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1.

18. *Tschebotaröw N.* Die Probleme der modernen Galoisschen Theorie // Verhandlungen des Internationalen Mathematiker-Kongresses. – Zurich; Leipzig, 1932. – С. 128-137.
19. Кузьмин П. А. Воспоминания о Н. Г. Четаеве // Очерки истории НИИ математики и механики им. Н. Г. Чеботарёва. – Казань, 1989. – С. 127.
20. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 05.08.1929 // Архив семьи Широковых, л. 2-2 об.
21. Рикун И. Э. Возвращение профессора Рабиновича // Альманах «Мория». – 2007. – № 8. – URL: https://web.archive.org/web/20170226214750/http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_08/01_13.htm (дата обращения: 26.12.2025).
22. Там же.
23. Лантев Б. А. Пётр Алексеевич Широков // Пётр Алексеевич Широков (человек и учёный). – Казань, 1995. – С. 8.
24. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 25.08.1929 // Архив семьи Широковых, л. 1.
25. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову. Дата неизвестна (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1-1 об.
26. Одесский университет за 75 лет. (1865-1940). – Одесса, 1940. – С. 158.
27. Там же. – С. 159.
28. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову. Дата неизвестна (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1-1 об.
29. Так в документе.
30. Письмо П. А. Широкова Н. Г. Чеботареву от 20.06.1925. (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1-2.
31. Шакирова Л. Р. Казанская математическая школа, 1804-1954. – Казань, 2002. – С. 209.
32. Постановление ЦК РКП(б), 12 января 1925 г. О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917-1928 гг. – М., 1967. – С. 446.
33. Шакирова Л. Р. Указ. соч. – С. 210.
34. Там же. – С. 215.
35. Там же. – С. 219.
36. Схоутен Ян Арнольдус (нид. Schouten Jan Arnoldus) (1883-1971) – нидерландский математик, член Нидерландской королевской академии наук (1933). Основная область научных исследований – тензорная дифференциальная геометрия и ее приложения. Автор работ по проблеме Пфаффа и релятивистской физике.
37. Векслин Носон-Бер Залманович (1897-1942) – советский ученый и педагог. Ректор КГУ в 1931-1935 гг.
38. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 29.04.1934 (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1.
39. Ланко А. Ф., Люстерник Л. А. Математические съезды и конференции в СССР // Успехи математических наук. – 1957. – Т. 12. – Вып. 6. – С. 82.
40. См.: Широков П. А. Тензорное исчисление. Ч. 1. Алгебра тензоров. – Л.-М., 1934. – 464 с.; Широков П. А., Широков А. П. Аффинная дифференциальная геометрия. – М., 1959. – 319 с.
41. Ланко А. Ф., Люстерник Л. А. Указ. соч. – С. 80.
42. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 29.04.1934 (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1.
43. Лантев Б. А. Математика в Казанском университете в советский период // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1960. – Т. 120. – Кн. 7. – С. 47.
44. Фамина Л. А. Хронологический указатель трудов Н. Г. Чеботарёва // Николай Григорьевич Чеботарёв (1894-1947). – Казань, 2019. – С. 314-332.

45. Резолюция Съезда, принятая 30 июня 1934 г. // Труды Второго Всесоюзного математического съезда, Ленинград, 24-30 июня 1934. – Л.-М., 1935. – С. 80.
46. Абызов А. Н., Арсланов М. М. Исследования по алгебре и математической логике в Казанском университете // Итоги науки и техники. Современная математика и ее приложения. Тематические обзоры. – 2018. – Т. 157. – С. 3.
47. Копп В. Г. Мой учитель Пётр Алексеевич Широков // Пётр Алексеевич Широков (человек и учёный). – Казань, 1995. – С. 33.
48. Подробнее о деятельности учеников П. А. Широкова см.: Норден А. П., Широков А. П. Наследие Н. И. Лобачевского и деятельность казанских геометров // Успехи математических наук. – 1993. – Т. 48. – Вып. 2 (290). – С. 47-74.
49. Лаптев Б. А. Пётр Алексеевич Широков // Пётр Алексеевич Широков (человек и учёный). – Казань, 1995. – С. 19.
50. Ежова С. А., Альпин Ю. А. Указ. соч. – С. 129.
51. Там же. – С. 129.
52. Лаптев Б. А. Становление и развитие НИИМ в 1934-1954 гг. // Очерки истории НИИ математики и механики им. Н. Г. Чеботарёва. – Казань, 1989. – С. 16-17.
53. История Казанского университета. 1804-2004. – Казань, 2004. – С. 310.
54. Демидов С. С. Научно-исследовательский институт математики и механики Московского университета и математика XX столетия (к 100-летию основания института) // Чебышевский сборник. – 2022. – Т. 23. – № 3 (84). – С. 271.
55. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 29.04.1934 (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1-2.
56. Письмо Н. Г. Чеботарёва П. А. Широкову от 05.06.1935 (перепечатано А. П. Широковым в 1990-х гг.) // Архив семьи Широковых, л. 1.
57. Лаптев Б. А. Становление и развитие... – С. 19.
58. Там же. – С. 19-20.
59. Шакирова А. Р. Указ. соч. – С. 245.

Список литературы

Абызов А. Н., Арсланов М. М. Исследования по алгебре и математической логике в Казанском университете // Итоги науки и техники. Современная математика и ее приложения. Тематические обзоры. – 2018. – Т. 157. – С. 3-7.

Демидов С. С. Научно-исследовательский институт математики и механики Московского университета и математика XX столетия (к 100-летию основания института) // Чебышевский сборник. – 2022. – Т. 23. – № 3 (84). – С. 269-281.

Демидов С. С., Тихомиров В. М., Токарева Т. А. Московское математическое общество и развитие математики в России (к 150-летию создания) // Труды Московского математического общества. – 2016. – Т. 77. – № 2. – С. 155-183.

Ежова С. А., Альпин Ю. А. Профессор математики Н. Н. Парфентьев и реорганизация Казанского университета в первые десятилетия советской власти // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2025. – 167 (2). – С. 122-142.

Изотов Г. Е. Казанское физико-математическое общество. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 32 с.

История Казанского университета. 1804-2004 / Гл. ред. И. П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 656 с.

Пётр Алексеевич Широков (человек и учёный) / Под ред. Б. Н. Шапукова. – Казань: Казанский фонд «Математика», 1995. – 88 с.

Чеботарёв Н. Г. О методе исключения переменных из трансцендентных уравнений // Известия Физико-математического общества при Казанском университете. – Сер. 2. – Т. XXIV. – Вып. 1. – С. 1-6.

Чеботарев Николай Григорьевич (1894-1947) / Под ред. М. М. Арсланова, Ю. А. Альпина. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 334 с.

Шакирова Л. Р. Казанская математическая школа, 1804-1954: К 200-летию Казан. ун-та. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 282 с.

Широкова О. А. Основатель Казанской геометрической школы Петр Алексеевич Широков (к 120-летию со дня рождения) // Математика в высшем образовании. – 2015. – № 13 – С. 165-184.

References

Abyzov A. N., Arslanov M. M. *Issledovaniya po algebre i matematicheskoy logike v Kazanskom universitete* [Studies in Algebra and Mathematical Logic at Kazan University]. IN: *Itogi nauki i tekhniki. Sovremennaya matematika i ee prilozheniya. Tematicheskie obzory* [Results of Science and Technology. Contemporary Mathematics and Its Applications. Thematic Reviews], 2018, vol. 157, pp. 3-7.

Demidov S. S. *Nauchno-issledovatel'skij institut matematiki i mekhaniki Moskovskogo universiteta i matematika XX stoletiya (k 100-letiyu osnovaniya instituta)* [The Research Institute of Mathematics and Mechanics of Moscow University and 20th Century Mathematics (On the Centenary of the Institute's Foundation)]. IN: *Chebyshevskij sbornik* [Chebyshev Collection], 2022, vol. 23, no. 3 (84), pp. 269-281.

Demidov S. S., Tikhomirov V. M., Tokareva T. A. *Moskovskoe matematicheskoe obshchestvo i razvitie matematiki v Rossii (k 150-letiyu sozdaniya)* [The Moscow Mathematical Society and the Development of Mathematics in Russia (On the 150th Anniversary of Its Foundation)]. IN: *Trudy Moskovskogo matematicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Moscow Mathematical Society], 2016, vol. 77, no. 2, pp. 155-183.

Ezhova S. A., Al'pin Yu. A. *Professor matematiki N. N. Parfent'ev i reorganizatsiya Kazanskogo universiteta v pervye desyatiletiya sovetskoj vlasti* [Professor of Mathematics N. N. Parfent'ev and the Reorganization of Kazan University in the First Decades of Soviet Power]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series], 2025, vol. 167 (2), pp. 122-142.

Izotov G. E. *Kazanskoe fiziko-matematicheskoe obshchestvo* [Kazan Physical and Mathematical Society]. Kazan: Kazan University Publishing House, 2003, 32 p.

Istoriya Kazanskogo universiteta. 1804-2004 [History of Kazan University. 1804-2004]. Ed. by I. P. Ermolaev]. Kazan: Kazan University Publishing House, 2003, 656 p.

Petr Alekseevich Shirokov (chelovek i uchenyj) [Pyotr Alekseevich Shirokov (person and scientist)]. Ed. by B. N. Shapukov]. Kazan: Kazanskij fond "Matematika" publ., 1995, 88 p.

Chebotarev N. G. *O metode isklyucheniya peremennykh iz transcendentnykh uravnenij* [On the Method of Eliminating Variables from Transcendental Equations]. IN: *Izvestiya Fiziko-matematicheskogo obshchestva pri Kazanskom universitete* [Proceedings of the Physical and Mathematical Society at Kazan University], ser. 2, vol. XXIV, issue 1, pp. 1-6.

Chebotarev Nikolaj Grigor'evich (1894-1947) [Nikolai Grigorievich Chebotarev (1894-1947)]. Ed. by M. M. Arslanov, Yu. A. Al'pin]. Kazan: Kazan University Publishing House, 2019, 334 p.

Shakirova L. R. *Kazanskaya matematicheskaya shkola, 1804-1954: K 200-letiyu Kazan. un-ta* [Kazan mathematical school, 1804-1954: To the 200th anniversary of Kazan University]. Kazan: Kazan University Publishing House, 2002, 282 p.

Shirokova O. A. *Osnovatel' Kazanskoy geometricheskoy shkoly Petr Alekseevich Shirokov (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Founder of the Kazan geometric school Pyotr Alekseevich Shirokov (to the 120th anniversary of his birth)]. IN: *Matematika v vysshem obrazovanii* [Mathematics in Higher Education], 2015, no. 13, pp. 165-184.

Ostrovskii I. V. Kharkov Mathematical Society. IN: European Mathematical Society Newsletter, December 1999, pp. 26-27.

Фото из фондов Музея истории Казанского университета.

Photos from the collection of the Museum of the History of Kazan University.

Сведения об авторах

Афанасьев Андрей Юрьевич, заведующий музеем Н. И. Лобачевского Дирекции музеев КФУ, ассистент кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, e-mail: 8andref8@mail.ru

Широкова Ольга Александровна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики и математического моделирования Института математики и механики им. Н. И. Лобачевского КФУ, e-mail: shirokova2602@mail.ru

About the authors

Andrey Yu. Afanasyev, Head of the N. I. Lobachevsky Museum of the Kazan Federal University Museum Complex; Assistant of the Department of Russian History and Archival Science of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan Federal University, e-mail: 8andref8@mail.ru

Olga A. Shirokova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics and Mathematical Modeling of N. I. Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics of Kazan Federal University, e-mail: shirokova2602@mail.ru

В редакцию статья поступила 24.03.2026, опубликована:

Афанасьев А. Ю., Широкова О. А. Казанская математическая школа в 1920-1930-е гг. по материалам переписки П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарёва // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 3. – С. 41-57.

Submitted on 24.03.2026, published:

Afanasyev A. Yu., Shirokova O. A. *Kazanskaya matematicheskaya shkola v 1920-1930-e gg. po materialam perepiski P. A. Shirokova i N. G. Chebotaryova* [The Kazan Mathematical School in the 1920s and 1930s, based on the correspondence of P. A. Shirokov and N. G. Chebotarev]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 3, pp. 41-57.